

Александр ГЕЛЬМАН

Родился в 1933 году в Дондюшанах (Молдавия). Драматург, публицист, общественный деятель. Народный депутат СССР (1989-1992). Лауреат Государственной премии СССР. На сцене МХАТа были поставлены семь его пьес. Автор сценариев художественных фильмов и фильмов-спектаклей «Ксения, любимая жена Фёдора» (совместно с Т.Калецкой), «Премия». «Мы, нижеподписавшиеся», «Наедине со всеми», «Зинуля», «Скамейка», «Мишин юбилей» (совместно с Ричардом Нельсоном) и других, а также

двух сборников стихов «Последнее будущее» и «Костыли и крылья». Пьесы поставлены на сценах более тридцати стран. Член союза писателей Москвы. Живёт в Москве.

БОРИС ВАСИЛЬЕВ В ТБИЛИСИ

(апрель 1989)

Эти заметки - о том, как Борис Васильев, Егор Яковлев и я полетели в Тбилиси 10 апреля 1989 года, через день после «ночи сапёрных лопаток», когда при разгоне военными мирной демонстрации погибли 19 человек. И вот так совпало, что я пишу эти заметки ночью 19 февраля 2014 года, когда украинский спецназ и милиция жестоко разгоняют многодневный митинг протеста в центре Киева, - и тоже есть жертвы, пока не посчитали, но уже ясно, что погублены десятки жизней. Между трагедиями в Тбилиси и Киеве прошло 25 лет. На пространстве бывшего СССР, включая, конечно, и Россию, за это время было много тяжелых противостояний, погибли десятки тысяч людей.

Я хорошо помню слова Васильева - в самолете мы сидели рядом, слова, которые я позже часто вспоминал, хотя тогда, в ту

ночь, когда мы летели в Тбилиси, они показались мне необоснованными, надуманными. Он сказал: «Свобода, это, конечно, замечательно, но, боюсь, платить за нее придется дорого и долго. Слишком быстро, слишком быстро всё происходит, а быстрые перемены поверхностны... это касается и отдельного человека, и целого народа». Я возразил, пытался как-то обосновать свое несогласие. Васильев спорить не стал. Произнес только: «Дай бог, дай бог, чтоб ты был прав, а не я».

Мы летели в Тбилиси в качестве новоиспеченных, только что избранных народных депутатов СССР, чтобы разобраться в случившемся. Избрали нас члены Союза кинематографистов. Это были уникальные для Советского Союза, первые относительно свободные альтернативные выборы, единственный случай, когда членов парламента избирали не только по территориальным округам, но и в рамках научных, общественных организаций, включая творческие союзы.

Утром, после ночного побоища в Тбилиси, Эльдар Шенгелая, грузинский кинорежиссер, позвонил Андрею Смирнову, который тогда руководил Союзом кинематографистов СССР, попросил прислать журналистов, чтобы правда о тбилисской трагедии как можно быстрее стала известна миру. Мы собрались у Смирнова в кабинете, Егор Яковлев, главный редактор тогдашних «Московских новостей», был готов немедленно отправить корреспондента, политического обозревателя. Когда он вернется, созовем пресс-конференцию для московской и иностранной прессы. И тут Васильев спокойно, негромко сказал: «Может, нам самим поехать, мы депутаты, от нас начальство не отмахнется. Вернемся, напишем».

Поздно вечером мы вылетели. Уже в Тбилиси к нам присоединился прилетевший из Саратова еще один наш депутат, режиссер Дмитрий Луньков.

На следующий день хоронили погибших. День был теплый, солнечный. Мы переходили от дома к дома, от покойника к покойнику, у каждого гроба стояли сотни людей, на лицах скорбь и гнев.

Вся площадь, где проходила общегородская панихида, была плотно заполнена людьми. Сюда принесли всех убиенных. Высту-

пил Шеварднадзе, он тогда возглавлял МИД СССР, его послал в Тбилиси Горбачев. Патриарх Грузии, Илья Второй, произнес короткую скорбную речь, прочитал молитву. Я никогда не видел столько плачущих мужчин и женщин, казалось, вся Грузия плакала.

В день похорон мы побывали в двух больницах, где лежали раненые и отравленные газом, химический состав и название которого держались в секрете. Это затрудняло лечение, медики обращались к начальству, к военным, ответа не получили.

На следующий день началась наша главная работа. Чтобы собрать как можно больше свидетельств, нас развезли в разные концы города, мы расспросили десятки людей. С руководителями республики мы встречались вместе, вчетвером. Само собой так получилось, что Борис Васильев стал лидером нашей группы, он был самый известный, самый старший, самый авторитетный. Он шел впереди, он представлял нас, он начинал разговор, он задавал главные вопросы.

Я, конечно, по прошествии двадцати пяти лет не помню дословно все подробности, нюансы, реплики, - но главные особенности наших встреч, позиции наших собеседников, смысл вопросов и ответов помню хорошо. Я описываю тбилисские диалоги, а их с нашей стороны в основном вёл Васильев, в привычной для меня форме - как в пьесе.

Первым, с кем мы встретились, был организатор и вдохновитель многотысячного митинга - мы тогда впервые услышали это имя - Звиад Константинович Гамсахурдия. Сын известного грузинского литературоведа, пятидесятилетний диссидент.

Он не сразу согласился с нами встретиться, мол, кто такие, что им надо, кто их прислал. Ему объяснили, он смягчился. В помещение, где мы его ждали, Гамсахурдия вошел хмурый, подозрительный. Стул, который мы приготовили для него, переставил на другое место, сел.

Гамсахурдия. У меня мало времени.

Васильев. Мы после обеда и вечером встречаемся с Патиашвили, генералом Радионовым, нас обещал принять Шеварднадзе. Но перед этим мы хотим услышать от вас, какова была цель митинга, как он проходил, что происходило ночью - нам важно узнать это

из первых уст, чтоб нас не могли ввести в заблуждение. Мы слышали, что вы требуете отделения Грузии от СССР, это правда?

Гамсахурдия. Мы что, не имеем на это право? Я спрашиваю и прошу ответить - мы имеем на это право?

Борис Львович и все мы не были готовы к такому острому разговору, мы не ожидали, что вот так впрямую перед нами будет поставлен такого рода вопрос. Мы приехали задавать вопросы, а не отвечать на вопросы. Несколько секунд Васильев был в растерянности. Егор Яковлев уже был готов вступить в диалог, поддержать товарища, но не потребовалось.

Васильев. Вы знаете, право на отделение от СССР не может решаться на митинге, в котором приняли участие несколько тысяч человек. Я не помню сейчас, что в конституции по этому поводу написано, но совершенно ясно - такой вопрос можно ставить только после референдума, если большинство выскажется «за».

Гамсахурдия. Я так и думал, что с вами мне не о чем разговаривать - вы приехали не разбираться, кто убил, покалечил, отравил невинных людей, вы приехали читать мораль грузинскому народу, который посмел во весь голос заявить, что хочет быть свободным. До свидания!

И Гамсахурдия нас покинул. Присутствующие при разговоре наши грузинские друзья-киношники успокаивали нас: дескать, Гамсахурдия человек нервный, неуправляемый, беспардонный, не надо обращать внимания. За обедом мы обсудили, какую нам следует занять позицию на предстоящих встречах с начальством. Общими усилиями мы нашу позицию отчетливо сформулировали. Даже если допустить, что требования митингующих носили провокационный характер, но это были всего лишь слова, речи, лозунги, никаких противозаконных бесчинств, бесчеловечных действий не совершалось, это была мирная демонстрация и разгонять ее так, как это произошло, бить людей по голове лопатками, убивать - это преступление. И мы, депутаты, приехали для того, чтобы выяснить, как это могло произойти, кто принимал решения, кто отдавал приказы. Мы должны вернуться в Москву с ответом: кто виноват?

Именно этот вопрос и задал Васильев, когда нас принял в своем обширном, как танцплощадка, кабинете главный коммунист Грузии Джумбар Ильич Патиашвили. Он был опечален, растерян,

но принял нас радушно, с почтением, как человек, который так же, как и мы, ошеломлен тем, что произошло.

Патиашвили. Я не снимаю с себя вины, я уже доложил Шеварднадзе и Горбачеву, что готов хоть завтра уйти в отставку. Понести любое наказание.

Патиашвили отвечал невнятно, волновался, сам себя перебивал, путался. Ясно было одно: он обратился в ЦК, к кому именно, не сказал, просил помочь справиться с антисоветским митингом, к которому примыкало все больше людей. Он не был уверен, что тбилисская милиция в состоянии сама справиться с такой задачей.

Васильев. И что вам ответили, кто именно ответил, фамилия, должность?

Патиашвили. Да, мне, собственно, не ответили. Мне позвонил командующий Закавказским военным округом генерал Родионов и сообщил, что получил указание из Москвы очистить площадь у Дома правительства от митингующих. Мы встретились, обсудили, договорились: мэр Тбилиси и Патриарх призовут людей разойтись по домам, а если не послушают, тогда... Я понятия не имел ни о каких саперных лопатках, имелось в виду, что военные будут действовать щадяще, разумно.

Васильев. Разгон митингующих длился несколько часов - вам докладывали, что там происходит? Почему вы не потребовали остановиться, прекратить, вернуться в казармы, узнав, что людей избивают?

Патиашвили. Генерал Родионов мне не подчиняется.

И он опять повторил, что признает свою вину, что готов подать в отставку и понести наказание.

Следующая встреча - в штабе Закавказского военного округа, с командующим округа генерал-полковником Игорем Николаевичем Родионовым. Встреча была по-военному короткой. Генерал даже не дал Васильеву задать вопрос.

Родионов. Я знаю, что вас интересует, и сразу отвечаю на ваши вопросы. Первое - я получил приказ из Москвы: к утру девятого апреля очистить площадь от митингующих. Приказ был выполнен. Второе - митингующие оказали сопротивление, бросали в солдат камнями, били палками, прутьями, солдаты защищались, несколько человек в госпитале. Третье - какой газ был применен,

мы не можем сказать, он засекречен, это от меня не зависит. Но это не какой-то особо опасный газ. Он соответствует нормам, принятым при разгоне демонстраций.

Васильев. А почему на разгон мирного митинга солдаты были отправлены с саперными лопатками?

Родионов. Приказа иметь при себе лопатки никто не отдавал, и лопатки были не у всех. Мне доложили, что у большинства не было. Кто-то взял, может, раньше они уже участвовали в подобных мероприятиях. по опыту знали, не помешает. Злого умысла не было.

Васильев. Кто именно из высшего руководства страны принял решение о силовом разгоне митинга? Горбачев? Министр обороны?

Родионов. Понятия не имею.

Васильев. А кто вам непосредственно отдал приказ, можно узнать?

Родионов. Какая разница? Вы не следователь, я не подсудимый. От себя могу сказать: я с этим приказом был полностью согласен. Если бы это было в моей власти, я бы обязательно сам отдал такой приказ.

Генерал крепко пожал каждому из нас руку, проводил до дверей.

Следующая встреча - с Эдуардом Амвросиевичем Шеварднадзе. Она была уже под вечер и носила в основном светско-философский характер. Пили кофе с сухариками, если не ошибаюсь, был даже коньячок. Эдуард Амвросиевич принимал нас как своих друзей, единомышленников, убежденных сторонников перестройки. С первых слов ему удалось создать такую атмосферу, когда неудобно задавать конкретные вопросы. Речь шла о судьбах сложнейших преобразований в стране, как министр иностранных дел он посвятил нас и в некоторые международные проблемы. Тем не менее, Борис Львович в какой-то момент нарушил эту теплую дружественную атмосферу.

Васильев. Эдуард Амвросиевич, Горбачев знал о том, что происходило в ту ночь здесь, в Тбилиси?

Шеварднадзе. Нет, как он мог знать? Его не было в Москве, он был за границей. Прилетел рано утром. Надо было отдохнуть. Он узнал только вечером, я ему доложил.

Васильев. А Патиашвили вам звонил накануне, советовался, как быть с этим митингом?

Шеварднадзе. Он звонил в ЦК, я даже не знаю, кому именно. конкретно этим занимались военные. Я вам скажу, ведь просто так оставить, чтобы нарастали в Тбилиси эти протесты, эти настроения, нельзя было. Если бы я был, как прежде, первым секретарем ЦК Грузии, я бы сам принял точно такое же решение. Парализовать жизнедеятельность города, столицы республики недопустимо. Трагедия вышла с этими лопатками. за это надо строго спросить с военных товарищей. Конкретные, элементарные просчеты привели к большой трагедии.

После этих слов министра иностранных дел СССР встреча быстро закончилась.

Поздно вечером мы ужинали дома у одного известного грузинского кинодеятеля. Выпили, расслабились. Случайно разговор коснулся Абхазии. Егор Яковлев спросил, действительно ли существуют серьезные причины для конфликта между абхазами и грузинами. И тут вдруг мы услышали от грузинских наших товарищей, интеллигентов, создателей замечательных фильмов, самые нелестные, явно предвзятые характеристики абхазов, абхазского народа: абхазы, по их мнению, - упрямые, злобные люди, у них никогда не было и нет подлинной культуры, они сравнительно недавно спустились с гор. Мы были ошеломлены, притихли, сжались. Было неудобно возражать, сидя за столом, ощущая искреннюю дружественность, гостеприимство. Но Васильев не удержался.

Васильев. Как вы можете о другом народе так говорить? Они спустились с гор. А вы-то понимаете, откуда вы спустились и куда угодили?

Васильев отодвинул тарелку, поднялся, чтобы уйти. Тут вскочили мы с Яковлевым, Эльдар Шенгелая, еще кто-то: ну, зачем так, Боря, мы здесь гости - многого не знаем, не понимаем. Вечеринка расстроилась, хотя еще какое-то время продолжалась. Ва-

Васильев даже смягчился, перед уходом произнес тост за гостеприимных хозяев.

Рано утром мы вылетели в Москву. Пребывание в Тбилиси оставило у каждого из нас не радостные впечатления. Васильев сидел в кресле с закрытыми глазами. Я думал, он спит. Вдруг он открыл глаза: «Вот я думаю, мы правильно сделали, что поехали или не правильно? Ты как считаешь?».

Я пожал неопределенно плечами.

Яковлев, который сидел в кресле напротив, строго напомнил: «Саша, Борис, не позже восемнадцати часов ваши материалы должны быть в редакции, иначе не успеем поставить в номер».

На этом я завершаю мои заметки, хотел еще что-то добавить, но не могу не включить радио, «Эхо Москвы», чтобы узнать, что сейчас происходит в Киеве. Послушав репортаж с места боевых действий на Майдане, я не могу продолжать мои воспоминания. Происходящее в эти минуты в Киеве намного страшнее того, что произошло 25 лет назад в Тбилиси.

Борис Васильев верно предчувствовал: быстрые перемены в обществе чреваты долгими, кровавыми трагедиями.